

Е. ПАСТЕРНАК

Выступление на вечере памяти

Мы познакомились с С. С., когда он был студентом второго курса университета. Тогдашний заведующий кафедрой классической филологии А. Н. Попов приучил всех называть друг друга по имени-отчеству, поэтому мою жену Аверинцев называл Еленой Владимировной, а меня — Евгением Борисовичем. Правда, я был намного старше. Началось наше знакомство с того, что С. С. попросил мою жену, студентку 4-го курса, взять для него в фундаментальной библиотеке пачку книг. Второкурсникам еще не давали книги на абонемент. Книги он эти зачитал. Когда кончался учебный год и надо было заполнять “бегунок”, положение было безвыходное. Мы звонили ему, он говорил: “Вы знаете, я не могу с этими книгами расстаться”. Тут вмешалась Наталья Васильевна, его мама. Мы отправились к нему в Бутиковский переулок за этими книжками. Кое-что она нашла, но это была только часть. Остальные Сережа принес через несколько дней. Остался у нас, мы долго разговаривали. Он тогда был весь полон античностью. А потом от вдовы Фалька Ангелины Васильевны Щекин-Кротовой мы узнали, что Сережа, когда жил рядом с ними в Абрамцеве, справлял античные праздники, посвященные разным богам, например Панафинеи. Тогда классика была для него тем живым духовным источником, который постепенно расширялся и вел его все дальше и дальше.

Самое главное, что меня всегда поражало в Аверинцеве, — это его огромная внутренняя сила при большой физической слабости. Он еще мальчиком болел полиомиелитом, ему трудно было ходить. Ему трудно было делать то, что он делал тем не менее повседневно. Летом он жил в Перхушкове на даче в маленьком домике около железной дороги и через огромное поле, наверное километров в семь, приходил в Переделкино, чтобы нас навестить. Мы тогда постоянно жили в маленькой сторожке в Переделкине. Это всегда было удивительно тем, что каждый раз он приходил совершенно новым, полным новых интересов и спешил поделиться. отец Георгий говорил, что удивительно, как он поздно крестился. Но для меня это вовсе не было удивительным. Он был все время в пути. Этот путь был высок и в действительности очень труден.

В молодости он был человеком невероятной застенчивости. Для того чтобы Аверинцев начал говорить, надо было выдержать примерно пять минут извинений в том, что он решился к вам обратиться, и только потом он начинал развивать выбранную им тему. Шаги, которыми он шел, казались огромными. Его раскрепощение наступило в один момент, во всяком случае для нас, когда он занялся впервые древнерусским и византийским богословием, когда он написал свою блестящую работу об Оранте как Нерушимой Стене, об Оранте Киевской. В Горьковской библиотеке он прочел об этом доклад. После этого, когда все расходились, я сказал ему: “Сергей Сергеевич, я поздравляю вас с освобождением”. Мне казалось, что он скинул какие-то оковы. Это продолжалось и дальше. Он говорил иногда безумно долго и безумно трудно. Я был свидетелем, как аудитория Музея изящных искусств на Випперовских чтениях буквально редела, когда Сережа говорил более двух с половиной часов. Его выступления каждый раз были чем-то новым в его пути, приносившим совершенно неожиданные результаты. Удивительным было то, что его диссертация о Плутархе получила премию Ленинского комсомола. Почему это произошло, непонятно. Но слава Богу, что произошло, потому что благодаря этому он был принят в Институт мировой литературы. А когда меня выгнали из Энергетического института в 1975 году и Храпченко предложил мне должность младшего научного сотрудника ИМЛИ, я позвонил Сереже и спросил, стоит ли мне туда идти. Он сказал: “Обязательно идите. Я

там работаю уже несколько лет, но знаком только с пятью-шестью людьми, которые мне дороги. Остальных я не знаю”. Вот по такой рекомендации я поступил в ИМЛИ.

Дальше начинаются уже более серьезные вещи. Аверинцев дружил с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Мне кажется, что от нее, от разговоров с ней, от книги ее “Воспоминаний” глубоко вошла в его мирозерцание иудейская сторона, понятие дегероизации. Ему стал близок не блестящий античный герой, а страдающий человек Библии. Это соединение стало темой его тогдашних докладов, которые собирали огромные толпы слушателей. С. С. начинал так: “Если вы думаете, что я буду говорить о христианстве, вы ошибаетесь. Я коснусь его корней”. Популярность Аверинцева была результатом преодоления огромной внутренней напряженности. Его освобожденность привела его в церковь.

Я расскажу вам еще один смешной случай, несколько более поздний. Это было, когда С. С. был уже человеком крещеным. Мы крестились еще позже, чем он. С. С. сказал тогда нам: “Когда вы попадете в церковь, то сначала вам покажется, что вы попали совсем не туда. Но это пройдет”.

Надо упомянуть еще об одной огромной фигуре, о человеке, который ушел от нас незадолго перед С. С., если говорить в историческом времени, — о Владыке Антонии Сурожском, у дверей которого в квартире его сестер в Брюсовом переулке мы впервые увидели Аверинцева в обстановке христианской общности. Многие тогда из проповедей Владыки вошло в обиход Аверинцева и стало частью его души. Как, например, главный тезис, что встреча со Христом важнее всех религиозных догматов, что в церкви ищут живого Христа, а не обрядность. Это было тем, что позволяло Аверинцеву, будучи абсолютно верным христианской обрядности, тем не менее видеть за этим высшее.

Я расскажу об одном вечере в английском университетском городе, в Оксфорде, куда С. С. приехал по приглашению университета прочесть там лекцию, по-моему, о Вяч. Иванове и символизме. Мы жили там у моей тетки, после того как мне была сделана серьезная операция, и побежали в университет его послушать. Он блестяще говорил, но после лекции английская аудитория разошлась, и мы решили его похитить. Это была пятница. В доме моей кухни, куда мы были званы, обычаи были еврейские, хотя и очень мягкие, и в этот вечер намечался праздничный ужин. Когда хозяин, извинившись, сообщил Аверинцеву, что они помолятся перед ужином, если он не возражает, то Сережа сказал: “Я счастлив. Наоборот, меня могло бы огорчить, если бы мы не помолились перед ужином. Я недавно был в Иерусалиме и слышал, как там Патриарх Иерусалимский пел на иврите псалмы. Я могу это показать”. Хозяева были в восторге. Они вместе пели псалмы. Аверинцев рассказывал им — впрочем, они достаточно хорошо знали Святую Землю и сами — о своем недавнем путешествии туда. И попутно коснулся своей любви — эта тема в Сереже тоже была удивительна — к английскому новому богословию. Я не знаю точно, как называть Клайва Льюиса и Толкина. Это были оксфордские профессора, и Аверинцеву хотелось поклониться могиле Толкина. Вернее, он признался, что его дети не простят ему, если он этого не сделает. Он сказал об этом хозяину дома примерно в одиннадцатом часу вечера. Тот сразу нашел самого известного толкиниста в Оксфорде по телефону, и выяснилось, что это кладбище, которое мы хорошо знали, где теперь похоронен еще Исайя Берлин и мои английские тетушки. Это очень красивое кладбище на окраине Оксфорда. Была заведена машина, и они поехали в темноте искать могилу Толкина. Потом вернулись, а уже утром на следующий день Сереже Аверинцеву надо было уезжать в Дарем.

Вот вам несколько примеров того, каким неожиданным мог быть Сергей Аверинцев и как неожиданна и парадоксальна была сама его жизнь при всей высоте и верности — и тут я не побоюсь сказать — при всей высоте и верности живому Христу как корню

всего того, чем живо христианство.

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)